

The background of the entire cover is a photograph of a person in a dark winter coat and hood, seen from behind, walking away on a snow-covered path. The path is flanked by tall, snow-laden evergreen trees. In the distance, a large, multi-story building with a prominent central tower and a dark roof is visible through the trees. The sky is overcast and grey. The overall color palette is muted, with a lot of white from the snow and dark tones from the trees and the person.

АЛЕКСЕЙ ХАПРОВ

НАСЛЕДНИК

Книга вторая

Алексей Хапров

НАСЛЕДНИК. Книга вторая

«Автор»

2026

Хапров А.

НАСЛЕДНИК. Книга вторая / А. Хапров — «Автор», 2026

Какой это сокрушительный, болезненный удар по совести, когда вдруг узнаёшь, что в детстве ты невольно поспособствовал убийству своего родного отца! Хочется полностью отрешиться от всего, что тебя окружает, уехать далеко-далеко и как бы начать свою жизнь сначала... Радик бесследно исчез. С момента его исчезновения прошло десять лет. И вот он, наконец, даёт о себе знать... Главный герой романа даже не подозревает, что это станет началом его новых и опасных приключений.

© Хапров А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	10
Глава третья	13
Глава четвёртая	15
Глава пятая	21
Глава шестая	24
Глава седьмая	28
Глава восьмая	30
Глава девятая	34
Глава десятая	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Алексей Хапров

НАСЛЕДНИК. Книга вторая

Глава первая

Вот вся жизнь у меня такая, пытаюсь отыскать своё счастье, а нахожу одну лишь только беду...

Передо мной что-то колыхалось. Очертания были неясные, расплывчатые, как будто разводы грязи на запотевшем тёмно-зелёном стекле. И вот они стали проясняться. Медленно, постепенно...

Огромная, нацелившаяся мне прямо в лицо, мохнатая когтистая лапа!

На моём лбу выступил холодный пот. Я в ужасе отпрянул назад.

Но это была не лапа. Это была просто ветка изогнувшейся, словно в чудовищной муке, исполинской раскидистой ели. Такими же изогнутыми и скукоженными смотрелись и её собратья-соседки.

Тусклый мертвенно-зелёный свет и гнетущая, почти что вакуумная тишина!..

Я открыл глаза. Грязно-зелёный свет тут же преобразился в золотистые солнечные лучи — они пробивались сквозь брешь между задвинутыми оконными шторами. В мои уши тягуче вползло мерное тиканье висевших напротив кровати настенных часов, и я с облегчением обнаружил, что нахожусь не в полумёртвом дремучем лесу, а в своём доме, в своей постели.

Один и тот же мрачный, внушающий тревогу сон! Он снился мне уже несколько ночей подряд! Страх, ощущение трагической неизбежности!.. И с каждым разом этот сон становился всё чётче и чётче, всё ярче и ярче.

Да что же он ко мне прицепился? Нет, ну в самом деле!..

А может он прицепился ко мне неспроста? А может это какое-то предостережение? Или чьё-то телепатическое послание? Ведь вещие сны — это не такая уж редкость!

Уродливый, покорёженный лес. Походящие на чахлах, но злобных существ, тесно смыкающиеся друг с другом сосны и ели. Мрачная чащоба, навевающая предсмертное, мучительное забвение...

«Предсмертное, мучительное забвение»!

Меня передёрнуло. Я оторвал голову от подушки. И что бы это могло означать?

Я протянул руку, надел очки и взял планшетный компьютер — и то, и другое лежало на прикроватной тумбочке. Мой указательный палец резво застучал по высветившейся на дисплее клавиатуре: «К чему снится лес».

В ответ появилась целая куча ссылок. Я выбрал самую верхнюю, а значит самую популярную — «Сонник Миллера».

Так, — уселся поудобней я, — сейчас посмотрим!

«Если во сне вы видите дерево в молодой листве...» — это не то.

«Взбираться во сне на дерево...» — это тоже не то...

А вот это, наверное, то, что надо: «Если вам снится мёртвый лес, с засохшими деревьями (так-так-так!) — ожидайте разочарований...».

Тьфу ты!..

Я в досаде швырнул планшет обратно на тумбочку. «Ожидайте разочарований»! Ну, всё как всегда! Ох уж, эта моя проклятая Богом жизнь!..

За что только она им, вот, проклята?

О нет, про проклятую Богом жизнь — это не какое-то там мимолётное старческое брюзжание...

Старческое? А почему бы, собственно, и не старческое? Да, мне было немногим более пятидесяти лет, но я уже ощущал себя дряхлым и немощным стариком.

Так вот, это было не какое-то, там, мимолётное старческое брюзжание, навеянное внезапно свалившейся на голову неприятностью. Это было точное описание того «удовольствия», которое мне доставляла жизнь.

Нет, что я вовсе не был в ней счастлив — такого сказать, конечно, нельзя. Были у меня в ней и светлые фрагменты. И самый счастливый её период — это когда я усыновил Радика. Ну, это после тех наших с ним опасных и рискованных приключений, о которых, я надеюсь, вы осведомлены. Но затем мой Радик бесследно исчез, так что это моё счастье продолжалось недолго, всего каких-то два года...

Нет, ей богу, если была бы такая возможность, я бы с удовольствием вернулся в те наши с ним опасные и рискованные приключения! Да, те приключения едва не стоили мне жизни. Но тогда я ощущал хоть какой-то жизненный смысл!

А сейчас? Какой я смысл ощущаю сейчас?

Знаете, я наверное чем-то походил на марафонца, который уже пересёк финишную черту, но всё продолжает двигаться по инерции. Двигался, вот, и тащил за собой всю свою прежнюю жизнь. Но потом вдруг наткнулся на настоящее, и меня словно отбрасывало назад.

Разнообразие ограниченности, ограниченность разнообразия! Неудачник, истерзанный бесплодными мечтами!..

Как там поётся в одной очень старой и некогда популярной песенке? «Это было недавно, это было давно...»...

В Москву я приехал в начале девяностых. Это было вынужденное переселение, потому что в моём родном Балашове в те годы найти себе нормальную работу без блата было практически невозможно.

Блата в Балашове у меня не было. Но зато у меня была тётка, младшая сестра моей матери, которая проживала в Коломенском, в Москве. И тётя Клава, — так звали мою столичную родственницу, — позволила мне временно пожить у неё. Вот этой её благосклонностью я тогда, после приезда в Москву, и воспользовался.

Работу я нашёл себе быстро. Я устроился охранником в одно небольшое частное охранное предприятие, которое располагалось там же, в Коломенском.

Да, имея диплом о высшем образовании, имея большой опыт работы инженером на машиностроительном производстве, переквалифицироваться в какие-то там охранники было, разумеется, неприятно. А на чей-то взгляд, может быть, и позорно. Но московской прописки у меня тогда не было, а удел гастарбайтера — он таков!

Кстати, инженеры тогда и в Москве были не особо нужны!

Охранять мне выпало один частный дом. Но это был не абы какой-то дом. Это был дом известного на всю страну актёра! Это был дом самого Геннадия Карпычева!

Кстати, его жена, Катерина, — она была у него уже третьей по счёту, — приходилась Баруздину, — так звучала фамилия нашего директора, — родной сестрой. И из этого нетрудно было понять, что наше частное охранное предприятие заполучило этот объект не случайно.

Я тогда даже не подозревал, что это трудоустройство перевернёт всю мою жизнь!

Отношения с Катериной у меня не заладились с самого начала. Она видела во мне лишь бесправную прислугу, причём прислугу самого широкого профиля: подай, принеси, сходи в магазин, подмети двор, помой машину, вскопай грядки, и всё такое прочее.

Не лучше у меня были взаимоотношения и с Радиком, приёмным сыном Карпычева, мальчиком тринадцати лет. Он надо мной откровенно издевался: рисовал на меня карикатуры, швырял в меня шоколадным арахисом из окна, подпирал снаружи ломом дверь охранной будки, чтобы я не мог оттуда выйти, смазывал её ручку клеем.

А вот с самим Карпычевым мы сошлись. Правда не сразу, а спустя некоторое время. Я как-то случайно выдал ему свой интерес к Голосовому оврагу, и после этого стал чувствовать его расположение.

Голосов овраг — это главная мистическая достопримечательность Коломенского.

Почему мистическая? А потому, что история знает случаи, когда спускавшиеся в него люди перемещались во времени. И происходило это аккуратно тогда, когда в овраге появлялся зеленоватый туман.

По словам Карпычева, именно так пропал в начале тридцатых годов его дед. Решил пройти по оврагу, когда там стоял зеленоватый туман, и после этого из оврага уже не вышел.

Я простодушно пересказал эту историю с дедом Карпычева Баруздину. Ведь Карпычев не просил меня держать её в секрете! Ну откуда мне тогда было знать, что Баруздин со своей сестрой построят на её основе свой коварный и подлый план?

Перед Катериной в те дни маячили большие проблемы. Карпычев со мной как-то настолько разоткровенничался, что посвятил меня в свои намерения относительно неё — он собирался вскорости её прогнать.

Ни Баруздину, ни Катерине я об этом, разумеется, ничего не сказал. Я никогда не лезу в проблемы чужих семей. Но у них в моих откровениях и не было особой необходимости. Они об этом, опасном для них, намерении Карпычева уже знали.

Понимая, что после развода её беззаботной, красивой жизни придёт конец, Катерина решила убить своего мужа и завладеть после этого его деньгами и его имуществом.

Но в случае смерти Карпычева возникал ещё один его наследник — Радик. Он был хотя и приёмный, но всё-таки его сын.

И Катерина с Баруздиным решили устранить и его. Взыграла их ненасытная жадность. Они не желали ни с кем делиться своей добычей.

Да, убить Карпычева у них тогда получилось. И обставили они это дело так, что всё указывало на то, что его убил я. Но вот разделаться с Радиком они уже не смогли. Почему? А потому, что я тогда этому воспрепятствовал...

Я не буду здесь рассказывать о наших с Радиком похождениях. Если вы сейчас читаете эту книгу, то вы наверняка с ними уже знакомы. Главное, что всё тогда закончилось хорошо. Радик остался жив, и я после этого его усыновил.

Меня потом часто спрашивали, как мне удалось оформить его усыновление. Ведь мы не являлись с ним родственниками, а я к тому же ещё и не был женат.

Отвечаю. Здесь было принято во внимание то, какую я роль сыграл тогда в его судьбе. А моя роль, уж не считите за хвастовство, она ведь оказалась решающей. И это приняли во внимание. И, в порядке исключения, сочли возможным пойти нам тогда навстречу.

Мы прожили с ним вместе два года. Это было прекрасное, счастливое время. Радик учился в школе, я работал в одном научно-исследовательском институте — мне удалось, наконец, устроиться по специальности. И казалось, что порядок в нашей жизни наступил навсегда. Но, увы. Он оказался разрушен буквально в один момент.

В день своего совершеннолетия Радик получил письмо. Это было письмо Карпычева, которое он написал незадолго до своей гибели и передал его на хранение какому-то из своих друзей, чтобы тот доставил его Радик, когда ему исполнится шестнадцать лет.

Прочитав это письмо, Радик испытал самый настоящий шок. Оказывается, он был внебрачным сыном Карпычева! И Карпычев на самом деле был его не приёмным, а как раз таки родным отцом!

И Радик после этого резко переменялся. Он стал какой-то подавленный и угрюмый. А спустя некоторое время, он и вовсе исчез. В своём прощальном письме он сообщил мне, что решил начать свою жизнь сначала.

Это письмо, помнится, разорвало мне душу. Радик раскрыл мне все тайны той, нашей с ним, поездки в Сочи, о которых я доселе ничего не знал. И он признался мне в нём, что он тогда намеренно поспособствовал убийству своего родного отца. Не приёмного, как он тогда полагал, а, как выяснилось потом, родного!

И Радик не смог такого вынести...

Первые три года после исчезновения Радика я жил ожиданием его возвращения.

Да, вот именно в этом, дождаться возвращения своего сына, для меня и заключался тогда весь жизненный смысл.

Я намеренно опускаю здесь слово «приёмного». Я уже говорил, что главное... ну, на мой, разумеется, взгляд — это не биологическое, а фактическое родство. Фактическое в том смысле, что два разных человека воспринимают друг друга родными вне зависимости от того, одна у них кровь или нет. Ведь сколько вокруг имеется случаев, когда родные по крови люди по жизни оказываются совершенно чужими! А мы с Радиком чужими друг другу не были! Я воспринимал его своим сыном, а он меня — своим отцом!

Так вот, первые три года я жил исключительно возвращением Радика. Занимался усердно огородом, закручивал в банки всякие варенья да соленья. Всё в ожидании его.

В доме убирался сам, хотя это было и нелегко. Дом был большой: два этажа, восемь комнат, не считая двух санузлов и хозяйственных помещений, — и уборка занимала много времени. Но я всё равно не прибегал к помощи наёмных домработниц. А ведь убирать приходилось ещё и двор!

Я понимаю, какой у вас вертится сейчас на языке вопрос. Особенно, наверное, у женщин. А почему я, собственно, не женился?

Да, я действительно жил всё это время один. Но не женился я не из-за того, что абсолютно никого не интересовал.

Знакомства у меня были. В том числе и довольно близкие знакомства. И некоторые охотницы помочь мне по хозяйству представлялись, вроде бы, и неплохими людьми. Вот, например, Марина с соседнего отдела в НИИ. Или, вот, Наташа с соседней улицы — она работает в магазине. Но едва они приходили в мой дом, как в их глазах тут же разгорался хозяйский огонь. Они уже видели себя в нём правительницами. И я в тот момент неизменно вспоминал Катерину.

Да, вот такой, вот, отпечаток на всю оставшуюся жизнь может отложить в сознании какая-то одна поганая и паршивая стерва!..

А вот интересно, сохранили ли бы они ко мне своё внимание, если бы узнали, что всё это, возбуждавшее их амбиции, богатство принадлежит на самом деле не мне?

Да, и дом, и земельный участок, и автомобиль, и лежавшие на банковских счетах деньги — всё это было записано на меня. Но ведь всё это в действительности принадлежало не мне! Но ведь всё это в действительности принадлежало Радiku!

Вы возразите мне: ну и что? По документам владелец ведь я!

А то, что мне чужого богатства не надо! И по возвращении Радика я собирался отдать всё это ему обратно.

Да, я ждал Радика. Я надеялся на его возвращение. Его комната в доме всегда поддерживалась мною в идеальной чистоте. Приезжай и заселяйся в любой момент.

Но вот минуло несколько лет, и в моей жизни опять начались серьёзные проблемы.

Сначала умерла моя мать. Затем, с интервалом в какой-то месяц, ушли из жизни тётя Клава и дядя Саша. От Радика по-прежнему не было никаких вестей, и я остался совсем один.

Когда человек одинок, он зачастую не находит лучшего исповедника, чем собственная душа.

Сначала я выпивал понемножку. «Заливал» свою душу лишь в выходные. Но «лекарства» с каждым разом требовалось всё больше и больше, и я стал «исповедоваться» ещё и в будние дни.

Из НИИ меня справедливо уволили. Затем последовала череда непродолжительных трудоустройств: всякие, там, стройплощадки, да авторемонтные мастерские, из которых меня неизменно выгоняли. И к моменту нижеописываемых событий я уже полгода нигде не работал. Мой образ жизни был написан на моём лице, и меня, естественно, никто никуда не брал...

Глава вторая

Тот день, — день, с которого всё и началось, — обещал быть хорошим. Хорошим — это в смысле погоды. Другие его показатели, — ну, в плане личных достижений, — были для меня уже неактуальны. Я уже давно нигде не работал, и всё моё времяпровождение представляло собой сплошной досуг.

Правда, невесёлым он был, этот досуг.

Я поднялся с кровати, подошёл к окну, распахнул шторы и приоткрыл оконную створку. Наружный термометр застыл на отметке плюс десять. С улицы доносилось звонкое чириканье радовавшихся наступившему теплу воробьёв.

А ведь было ещё только самое начало марта! Да, весна в этом году получилась ранняя!

Натянув домашнее трико и футболку, я зашёл в ванную комнату и ужаснулся своему внешнему виду. Лицо отёчное, дряблое. Взъерошенный, как дикобраз.

Я умылся, почистил зубы, побрился, спустился на первый этаж и, морщась от ноющей головной боли, побрёл на кухню.

М-да! Кухонное зрелище внушало отнюдь не оптимизм. В раковине — гора невымытой посуды, а в холодильнике — тоскливая пустота.

Что ж, придётся идти в магазин.

Но для того, чтобы сходить в магазин, нужно будет опять засунуть руку в банковский счёт, который мне десять лет назад оставил Радик.

А ведь я давал себе строгий зарок — денег Радика себе не брать! Жить только на то, что я зарабатывал сам, и вернуть эти деньги ему все в целости и сохранности!

«Ничего, скоро у меня всё изменится, и у меня опять будет всё хорошо!», — мысленно подбодрил себя я. Но воодушевления это, увы, не внушало. Ведь это была явная ложь самому себе. Ложь, которая всё тянется и тянется, и тянуть которую становилось всё тяжелее и тяжелее.

Стыдно! Ох, как стыдно!..

Я надел свой утеплённый спортивный костюм, обулся в начавшие уже потихоньку рваться демисезонные ботинки, накинул свою старую замшевую куртку и, освежившись одеколоном, — это чтобы нейтрализовать исходивший от меня перегар, — вышел на улицу.

На улице отчётливо улавливалось дыхание весны. Погода и в самом деле была чудесная. В воздухе пахло оттаявшей сырой землёй — эдакий специфический весенний запах. Серую дорожную ленту усеивали глубокие лужи — остатки покрывавшего её зимой снега. На небе не наблюдалось ни облачка.

Как я ни старался не смотреть по сторонам, но уклониться от посторонних взглядов я всё же не смог. На меня лукаво смотрели мои соседи. Они выгружали что-то из своей машины, которая стояла у окружавшего их дом забора.

— Здравствуйте! Ну, и когда мы вас увидим по телевизору?

— Меня? По телевизору? — удивлённо вскинул брови я. — Это с какой-то стати меня должны показывать по телевизору?

— А к нам недавно приходил режиссёр. Говорил, что у них есть намерение сделать ток-шоу с вашим участием. Спрашивал, чем вы сейчас занимаетесь и как вы сейчас живёте. Интересовался, не нашли ли вы своего пропавшего мальчика.

Я, нахмурившись, махнул рукой: нечего, мол, делать из меня ток-шоу, — и продолжил своё движение вперёд.

Слава богу, что этот режиссёр у меня так и не появился. У меня не было никакого желания светиться перед жаждущей о чём-нибудь потрындеть общественностью.

Когда я, сделав покупки, вышел из магазина, мне повстречалась ещё одна знакомая. Это была наш почтальон Нина Павловна.

— Ах, вот вы где! — воскликнула она, увидев меня. — Примите-ка заказное письмо. Я только что к вам заходила, но вас дома не было.

Расписавшись в протянутом мне реестре, я сунул письмо в пакет и в быстром темпе зашагал домой. Я даже не посмотрел, откуда оно было, это письмо. Решил, что это, небось, какое-нибудь очередное уведомление из налоговой инспекции. Ведь больше мне писать было некому.

Дома я наскоро сварил себе макароны, умял их вместе с консервированной ветчиной, плеснул себе в рюмку «ободряющего напитка», и лишь после этого обратил внимание на то, что вручила мне на улице почтальонша.

Моё сердце на мгновение притормозило, а затем бешено пустилось вскачь. Конверт был надписан хорошо знакомым мне заковыристым и волнистым почерком.

«Отправитель: Карпычев Радислав Геннадьевич».

Это было письмо от Радика! Я просто не поверил своим глазам! Это было письмо, которого я дожидался без малого десять лет!

«Адрес отправителя: Республика Карелия, посёлок Мустамягса (посёлок придуман автором — прим. авт.)...».

Господи! Да что же занесло тебя в такую-то даль?..

Я с трепетом разорвал конверт и достал из него сложенный вчетверо тетрадный листок.

«Здравствуй, дядя Жень! Ты даже не представляешь, как сильно я по тебе соскучился...».

Строки письма стали расползаться и неуклюже запрыгали у меня перед глазами.

Я отложил листок в сторону, смахнул рукавом выступившую на глазах влагу и снова надел очки.

«У меня всё хорошо, — писал Радик. — Я жив-здоров, живу сейчас в мужском монастыре. Есть такой Свято-Успенский Усть-Бардинский мужской монастырь (монастырь придуман автором — прим. авт.). Он, конечно, не относится к известным монастырям, — нас здесь совсем немного, порядка тридцати человек, да и климат у нас довольно суровый, — но ты знаешь, мне здесь, в общем-то, нравится».

Ты, наверное, задаёшься сейчас вопросом, почему я приехал именно сюда?

Дядь Жень, я выбрал этот монастырь не случайно. Мне хотелось поселиться в какой-нибудь забытой богом «дыре», чтобы отрешиться от этого мира, и чтобы полностью уйти в себя.

Ведь ты же читал, надеюсь, моё письмо! И ты же из него знаешь, какой тогда груз лежал на моей душе!

А отрешение от мира, дядь Жень, — оно действительно лечит.

Дядь Жень, я не преувеличиваю. Поверь, но жить с таким грузом мне и в самом деле было просто невыносимо!

Со временем моя рана постепенно зарубцевалась, и я снова вернулся в жизнь. Я снова стал чувствовать всю её радость и всё её счастье. А счастье для меня, дядь Жень — это моя семья.

Да, дядь Жень, у меня есть семья. И, кстати, у тебя уже имеется внук! Говорят, он очень сильно похож на меня. Недавно он отметил своё шестилетие, и в этом году мы отдаём его в школу.

Дядь Жень, а не приехать ли тебе ко мне в гости? В письме ведь всего не напишешь! Я очень хотел бы тебя увидеть. Я очень сильно по тебе скучал.

Ты прости, но сам я приехать к тебе не могу. Не хотелось бы бередить едва зажившую во мне рану.

Ведь мы не виделись с тобой уже десять лет! Но поверь, всё это время я никогда про тебя не забывал.

Если надумаешь, телеграфируй о своём приезде на указанный на конверте обратный адрес.

Да, дядь Жень, у нас до сих пор ещё используются телеграммы! Места у нас очень глухие, и ни интернета, ни мобильной связи у нас пока ещё нет.

Единственная только к тебе просьба: будет лучше, если ты приедешь в субботу. Я дома бываю только по воскресеньям, а в будние дни я круглые сутки в монастыре.

Тебя встречу либо я, либо моя жена. Она тоже будет очень рада твоему приезду. Она давно уже хочет с тобой познакомиться!

Я с нетерпением жду от тебя ответа!

Дядь Жень, приезжай! Бросай все свои дела и обязательно приезжай!

P.S. Доехать до нас можно так. Сначала поездом до Петрозаводска, затем электричкой до Усть-Бардинска (населённый пункт придуман автором — прим. авт.). Из Усть-Бардинска в наш посёлок ходят автобусы. Ходят нечасто, всего лишь три раза в день. Но никакого другого транспорта до нас больше нет.

И ещё один очень важный момент: такси в Усть-Бардинске до нас лучше не нанимай. Таксисты там очень ушлые, приезжих вычисляют с первого взгляда. Ты с ними лучше не связывайся. Они могут очень сильно тебя облапошить».

«Но почему он опять называет меня „дядя Жень“? — подумалось мне. — Ведь последние годы он неизменно называл меня папой!...».

Тихая, спокойная речка. По этой речке плыл бумажный кораблик. Плыл он медленно, но ускориться он не мог. Ведь он был игрушечный, и он не мог собой управлять.

И вот ему повстречалась выступающая из-под воды коряга. И эта коряга преградила ему путь. А наш кораблик не мог её обогнуть. Ведь он был бумажный, и он мог только следовать по течению.

Долго бился наш кораблик об эту корягу. Бумага стала уже размокать, и всё шло к тому, что он скоро пойдёт ко дну.

Но тут подул ветер, и его порыв выпихнул наш кораблик из-под коряги. И наш кораблик снова бодро поплыл вперёд. А ветер даже нисколько не подозревал, что он только что спас этому кораблику жизнь.

Эх, знал бы этот «кораблик», какой его впереди ожидает водоворот!..

К чему это я? Да к тому, что случилось дальше!

Надеюсь, вы поняли, что эта моя история — она есть метафора.

Глава третья

Следующие три дня, в течение которых я готовился к своему отъезду, — а день своего отъезда я рассчитал исходя из пожеланий Радика; как вы знаете, он просил меня приехать в субботу, — походили на всем известное извержение Везувия. Или даже на библейский Всемирный потоп.

В своём предотъездном рвении я, наверное, был похож на только что выпущенную из клетки птицу. Но мне, наверное, не возбраняется это простить. Ведь это было волнение нашедшего сына отца. Отца, нашедшего своего сына после очень долгой и горькой разлуки!..

Телеграмму о своём приезде я отправил Радика в тот же день.

Когда я пулей влетел на почту, Нина Павловна, — она сидела тогда за стойкой, — сразу поняла, что что-то случилось.

— Да! — кивнул я в ответ на её вопросительно выставленные глаза.

Прочитав мою телеграмму, почтальонша ахнула:

— Господи! Да неужели нашёлся?..

Мне, разумеется, не хотелось светить перед Радиком, что его отец (я думаю, он здесь тоже бы опустил определение «приёмный») стал уж слишком сильно зависеть от алкоголя — это отчётливо читалось по моей тогдашней физиономии. И поэтому первое, что я вознамерился сделать — это срочно вернуть себе человеческий вид.

Но вот удастся ли это за столь уж короткий срок?

Все три дня — ни капли спиртного!..

Парикмахерская!..

Утренние и вечерние пробежки!..

Бассейн!..

Чуда, конечно, не произошло. Но, глядя на себя в зеркало перед отъездом, я с удовлетворением отметил, что я всё же стал выглядеть посвежее.

Ничего, приободрил себя я. Оставшиеся мешки и морщины спишем на последорожную усталость. А там побудем на свежем северном воздухе — глядишь, и всё это окончательно пройдет...

В чём ехать?

Это тоже был серьёзный вопрос. Я уже давно перестал за собой следить, и ехать в том, что висело в моём шифоньере — это означало определённо позорить Радика.

Нечего ввергать его в стыд, что у него такой неряха-отец!

И я отправился в ближайший торговый центр для обновления своего заношенного гардероба.

Когда я поднимался по эскалатору, мне почему-то вспомнилось, как Радик привёл меня на вещевой рынок в Лужниках перед тем нашим отъездом в Сочи — мне тогда тоже требовалось приодеться перед дорогой.

«Выбирай! Куплю что хочешь!...».

Я ностальгически усмехнулся, вспоминая тот его размашистый и царственный жест.

Пробивая на кассе выбранную мной обновку, — утеплённая куртка, фуражка, брюки, ботинки, джемпер (как говорится, скромно, но со вкусом), — я опять не удержался от улыбки, вспомнив брошенное тогда мне Радиком нареkanie: «Ты древнее ископаемое!».

Но я и сейчас считаю, что одеваться нужно соответственно возрасту! А Радик тогда стремился одеть меня, как шестнадцатилетнего пацана!..

Подарки.

Вот с этим оказалось действительно нелегко. Мне хотелось подарить Радика абсолютно всё!

Но дорожная сумка — он ведь была не резиновая! И после долгих раздумий, я остановил свой выбор на планшетном компьютере (внуку), престижных французских духах (снохе) и хорошем цифровом фотоаппарате (самому Радику)...

Хм, дарить подарки своему сыну на его же собственные деньги!

Да, нечего, и вправду, сказать. «Заботливый» я был отец!..

— Начинается посадка на скорый поезд «Москва — Петрозаводск», — прозвучало объявление вокзального диктора.

Я вскочил со скамейки, схватил свои дорожные сумки, покинул зал ожидания и помчался по тоннелю на нужный мне путь.

Нужный вагон... Нужное купе... Указанная в билете полка...

Моё сердце билось как сумасшедшее! Я ждал этого момента без малого десять лет!..

Глава четвёртая

Дорога показалась мне долгой и утомительной.

У кого-то из вас, возможно, подскочили брови: ну, какая она, мол, утомительная? Утомительная — это Москва–Хабаровск. Там аж шесть с половиной дней! А что такое Москва–Петрозаводск? Всего каких-то четырнадцать часов!

Да, если руководствоваться общепринятыми критериями, то долгой мою дорогу, безусловно, не назовёшь.

Но я подчёркиваю — общепринятыми! И я сказал «показалась», а не «оказалась»!

Ведь это совсем другое дело — воспринимать дорогу не в объективном, а в абстрактном ракурсе. В первом случае мерило — это дни, часы и минуты, а во втором — это душевная тоска. Ведь чем сильнее чего-нибудь ждёшь, тем утомительнее тянется время!

Согласитесь, ведь у вас такое тоже бывает!

В поезде я не спал всю ночь. Моё сознание, словно губка, вобрала в себя мучительные воспоминания. Мучительные не столько потому, что грустные, а главным образом потому, что они заставляли меня болезненно ностальгировать о былом.

Эх, если бы не то злополучное карпычевское письмо! Эх, была бы сейчас возможность вернуться в прошлое, я ни за что бы не отдал его Радику!..

В Усть-Бардинск из Петрозаводска я уехал практически сразу же — электричка была через сорок минут. Но вот с отъездом до Мустамятсы мне пришлось подождать. К дневному автобусу я не успел, и поэтому пришлось дожидаться вечернего, шестичасового рейса.

Кое-кому из местной усть-бардинской публики моя персона показалась весьма колоритной. Два каких-то зачуханных колдыря, — на автовокзале они сидели напротив меня, — никак не могли взять в толк, из их я, или не из их я, так сказать, «колоды». По физиономии — так вроде бы свой. Лицо — как мочёное яблоко. А по одежке — так вроде бы как «инородный». Одет цивильно, прилично.

Наконец они решились «пойти в разведку».

— Эй, столичный, закурить не найдётся?

— Прости, брат, не курю, — вежливо ответил я и, чтобы ослабить их внимание к своей персоне, добавил: — Только я такой же столичный, как и ты.

— Ты что, из местных? Что-то мы тебя здесь не видели.

— Нет, не из местных, — помотал головой я. — Но и не из столичных тоже.

— А откуда? Если это, конечно, не секрет.

— Из Балашова.

— А это где?

— Это в Саратовской области.

— А сюда зачем приехал?

— К сыну, — честно ответил я. — Я его уже десять лет как не видел.

Мои собеседники переглянулись.

— Всё понятно. На «зону».

И после этого сразу же успокоились. Свой.

Я не стал их в этом разубеждать...

Видавший виды ПАЗик оказался заполнен всего лишь на четверть. Неудивительно, что в Мустамятсу пускали всего три рейса: это направление явно не пользовалось популярностью.

Расположив на полу свою дорожную сумку, благо места для неё имелось более чем достаточно, я уселся на самое дальнее сиденье. Остальные четверо пассажиров — один мужчина и

три женщины — были друг с другом хорошо знакомы. Они устроились впереди, оживлённо переговаривались, так что пристраиваться к ним мне было, разумеется, не резон.

Дорога оказалась извилистой, змеилась между зубчатыми стенами высотного леса, вздымающегося к постепенно проявляющимся сверху звёздам. По-северному низкое, точно сдавленное чем-то, небо окрасилось по линии горизонта в багровые тона. В лесу ещё кое-где проглядывал снег.

«Очевидно, по ночам здесь ещё прихватывают морозы», — заключил я.

А, собственно, чему тут удивляться? Здесь всё-таки не южные широты! Здесь всё-таки, как-никак, Север!

Чем дальше мы углублялись в лес, тем явственнее ощущался специфический запах хвои — он ощущался даже здесь, в автобусе. Но это был не тот запах, от которого хотелось морщиться. Это, напротив, был очень приятный запах, от которого хотелось поглубже дышать!

Вот она капризная северная погода! Небо внезапно заволокло тучами, и оно обрушилось проливным дождём.

Я пересел на другое сиденье, которое не соседствовало с окном, ибо сквозь негерметично вставленное стекло на меня стало брызгать дождевыми каплями.

Мои же попутчики на дождь никакого внимания не обращали. К столь резким переменам погоды они, по всей видимости, были давно привычными.

Стихия бушевала недолго, и через некоторое время дождь прекратился. Набухшие от влаги тучи ушли, и на небе вспыхнула непривычно маленькая для меня Луна.

Ну, это общеизвестно. Луна на небе тем меньше, чем дальше расстояние от экватора.

Проглядывающую впереди узкой полоской дорогу залило каким-то призрачным, фиолетово-серым светом.

И тут мне почему-то вспомнился Голосов овраг. Меня снова пробрало ощущение таинственности, которое я испытал в ту ночь, когда искал исчезнувшего в овраге Карпычева.

Эх, знать бы тогда...

Я резко выдохнул и помотал головой.

А впрочем, хватит. Не хочется об этом даже и думать!..

Когда мы приехали в Мустамятсу, все краски вечерней зари были уже целиком поглощены ночной чёрной мглой.

Из автобуса я вышел последним. Выходя, я едва не споткнулся. А всё потому, что больше смотрел не на ступеньки, а выискивал глазами Радика. К счастью, под руку попался поручень, и мне удалось всё-таки удержаться на ногах.

— Осторожно, папаша, не торопись! — весело крикнул мне водитель. — Выходи спокойно. Я подожду.

Я поставил на землю свою дорожную сумку, выпрямился и воодушевлённо огляделся по сторонам. Мерклый свет одинокого уличного фонаря выхватывал из темноты лишь одну-единственную маленькую, щупленькую фигуру.

Моё воодушевление сменилось некоторой тревогой, ведь эта фигура принадлежала не Радик. Но тут эта «фигура» спешно подошла ко мне, и в мои уши ворвался тоненький девичий голосок.

— Здравствуйте! Вы, наверное, отец Радика? С приездом вас! А я его жена, Ксения.

Значит, Радик по-прежнему называет меня своим отцом! И моя душа наполнилась живой теплотой.

— Да, — галантно склонил голову я. — Здравствуйте. Очень рад с вами познакомиться. А где же сам Радик?

— А он придёт часам к одиннадцати, после вечерней молитвы, — ответила Ксения. — Завтра у него выходной, и он будет с вами весь день.

Ксения улыбнулась и протянула руку к моей поклаже.

— Давайте я вам помогу.

— Не женское это дело, таскать такие, вот, тяжести, — решительно отстранил её я. — Вот что, есть здесь у вас какое-нибудь такси?

— Такси?.. У нас посёлок маленький, — словно бы извиняясь, вздохнула Ксения, — и у нас не ходят ни такси, ни маршрутки. Но вы не беспокойтесь, до нашего дома недалеко. Всего лишь пятнадцать минут ходьбы.

— Ну, тогда показывайте дорогу, — подхватывая сумку, бодро воскликнул я. — По нашим московским меркам, это совсем даже рядом!

Выйдя на примыкавшую к автостанции улицу (собственно, эту «автостанцию» и автостанцией-то не назовёшь: заброшенная деревянная будка, — в ней, видимо, раньше продавались билеты, — да кирпичный остановочный павильон), я увидел величественный памятник давно минувшей эпохи — плакат «Слава КПСС!».

— До сих пор не сняли? — усмехнувшись, кивнул на него я. — Такие вот раритеты в Москве уже нигде, пожалуй, не встретишь!

— В Москве, конечно, не встретишь. Но у нас здесь давно остановилось время, — грустно констатировала Ксения.

Мы неспеша шли вперёд. Навстречу не попадалось ни одного человека. В воздухе попахивало чем-то сырым и горьким — очевидно, это были сгнившие по осени и высвободившиеся сейчас из-под снежного покрова растения.

— Ну, как там мой Радик? — спросил я свою попутчицу. — Давно вы уже женаты?

— Шесть лет.

— А где вы познакомились?

— В монастыре, на службе. — И Ксения опять заулыбалась. — Вы знаете, я как только впервые его увидела, так сразу же поняла, что это моя судьба! Ваш сын — моя первая и единственная любовь! Кроме него, у меня никого больше не было.

— А ещё говорят, что не бывает любви с первого взгляда! — укоризненно заметил я. — Бывает! Ещё как бывает! Знаю это и по своему личному опыту. — И я вздохнул, вспомнив свою приснопамятную женитьбу: — Правда, он был не совсем удачный, этот опыт... А почему ваш посёлок называется Мустамятса? — дал волю своему любопытству я, чтобы сменить эту не очень весёлую для меня тему.

— Раньше это была территория Финляндии, — пояснила Ксения. — Вот его название с тех пор и осталось. «Мустамятса» в переводе с финского — это «Чёрный лес». Границу в сороковом, после войны, передвинули, ну а название посёлка менять не стали...

Красивые дома — они всегда радуют глаз. Жилище Ксении и Радика производило весьма приятное впечатление. В таких домах не ютятся, в таких домах именно живут!

Возведённый из толстого соснового бруса, — видимо, это была знаменитая карельская сосна, — отгороженный от улицы ухоженным палисадником и имевший небольшую угловую встроенную террасу, он являл собой образец изысканной простоты, благодатного простора и душевного, комфортабельного уюта.

Дом — он может многое рассказать о своих хозяевах!

Едва мы переступили через порог, как в мои ноздри ударил запах свежесваренной рыбы. Запах был настолько ароматный и аппетитный, что мой желудок настойчиво заурчал.

— Проходите, располагайтесь, — приветливо сказала Ксения. — Сейчас будем кушать с вами карельскую уху. Вы когда-нибудь пробовали карельскую уху?

— Именно карельскую? Нет, — честно ответил я.

— Это наше национальное блюдо. По-карельски она называется каларуока.

— Ка-ла-ру-ока, — по слогам повторил я.

— Да, — кивнула Ксения. — Радика она очень нравится. Я ему часто её готовлю.

— А может его подождём, и лучше вместе тогда поедим? — предложил я.
Ксения помотала головой.

— Он придёт очень поздно, после одиннадцати. Да вы за него не беспокойтесь, он и в монастыре хорошо поест. А когда он придёт, я буду вас угощать ещё и калитками.

— Это ещё одно национальное блюдо? — улыбнулся я.

— Да, — в ответ улыбнулась Ксения. — Это такие очень вкусные карельские пирожки.

Я вручил ей духи, присел на скамеечку и стал разуваться. И тут я ощутил на себе чей-то изучающий, пристальный взгляд.

Я вскинул голову. Сквозь щёлку между закрывавших дверной проём портьер на меня смотрели чьи-то пронизательные, сверкающие глаза.

— Артём, выходи. Познакомься со своим дедушкой, — позвала Ксения.

Портьеры раздвинулись, и моему взору предстало озорное, чуть смугловатое мальчишеское лицо.

Непокорные выющиеся кудряшки! Ослепительная белозубая улыбка!

Я прямо-таки обомлел. Это был главный герой кинофильма «Мальчик ищет отца»!

Нет, в самом деле, он как будто только что сошёл с экрана!

— Здравсьте! — звонко воскликнул Артём.

— Привет, дружище! — пожал ему руку я. — Как дела?

— Хорошо.

— Мне говорили, ты в этом году пойдёшь в школу. Хочешь в школу?

Мой внук пожал плечами и выпятил губу.

— Ой, тут такая школа! — отмахнулась Ксения. — Одна учительница на все классы, и учеников — всего лишь двенадцать человек.

— На все классы всего лишь двенадцать человек? — недоверчиво переспросил я.

— Да, — горько усмехнулась Ксения. — Да хорошо, что хоть такая есть! — вздохнула она. — А вот представьте, её закроют! А до ближайшей школы — сорок один километр! Или, вот, Раиса Ильинична захочет уйти на пенсию! Кто к нам заместо неё придёт?

— Раиса Ильинична — это ваша учительница? — уточнил я.

— Она и учительница, и директор, и завуч. Ей уже шестьдесят семь лет!

Я почувствовал, что меня настойчиво теребят за рукав. Это пытался привлечь к себе моё внимание Артём.

— А правда, что ты из Москвы?

— Правда, — подтвердил я.

— А хорошо там у вас, в Москве?

— В чём-то и хорошо, а в чём-то, наверное, и плохо, — ответил я. — Там очень много развлечений, там есть очень много куда сходить. Но при этом там очень шумно, и там очень загазованный воздух. А у вас здесь всё чисто и тихо... Ба, да у меня же есть для тебя подарок! — спохватился я.

Вытащенный мной из сумки планшетный компьютер произвёл на Артёма восторженное впечатление.

— Ух ты! — восхищённо воскликнул он, но тут же помрачнел. — Ой, а у нас ведь нет интернета!

— Я знаю, — ответил я. — Но я закачал сюда уйму игрушек, а в игрушки можно и без интернета играть.

Мы прошли в гостиную, и я принялся обучать своего внука компьютерной грамотности. Мальчик оказался смышлёным и схватывал буквально всё на лету. Но через некоторое время от планшета нас оторвала Ксения:

— Евгений Николаевич, Артём, прошу к столу!

Каларуока оказалась просто восхитительной. Уха не была для меня в новинку, но такой вкусной ухи, уж поверьте, я ещё никогда не ел.

— Вы не разочарованы? — осведомилась Ксения.

— Напротив, я в полном восторге, — ответил я. — А если не секрет, как вы её готовите?

— Тут самое главное, чтобы была свежая рыба, — заметила Ксения. — Из замороженной рыбы, что продаётся в ваших магазинах, вы вкусную уху не приготовите. Ну, а помимо рыбы, я добавляю в неё ещё сосновые почки, яйца, молоко и ржаную муку.

— А-а-а, сосновые почки! — хлопнул себя по лбу я. — А я-то всё думаю, откуда здесь такой оригинальный хвойный привкус!

Я не успел съесть ещё и половины порции, как тарелка Артёма уже полностью опустела.

— Чего это ты сегодня так быстро? — удивилась Ксения. — Я уже и не помню, когда ты в последний раз с такой охотой ел!

Артём с хитрецей посмотрел на меня. Ему явно не терпелось вернуться к компьютеру.

После ужина Ксения принялась возиться с карельскими пирожками, — теми самыми калитками, — а мы с Артёмом снова уткнулись в планшет, но я то и дело поглядывал на часы.

Без пяти одиннадцать... Одиннадцать десять... Одиннадцать двадцать пять...

— Что-то он сегодня задерживается, — посетовала, словно извиняясь за мужа, Ксения. — Обычно он в это время уже бывает дома.

...Одиннадцать сорок пять.

Снаружи послышались торопливые шаги. Моё сердце бешено заколотилось.

Негромкий щелчок щеколды, порывистый скрип калитки.

— Хозяева, к вам можно? — раздался чей-то хриплый и грубый голос после символического стука в дверь.

Я в недоумении напрягся. Неужели это был голос Радика?

Сквозь портьеры в комнату просунулась продолговатая давно не стриженная голова. Но она тут же скрылась, едва из прихожей раздался рассерженный возглас Ксении:

— Ну куда ты пошёл обутом?!

Это было однозначно не Радик, и я вопросительно посмотрел на Артёма.

Артём недовольно нахмурился.

— Это дядя Сеня, — пояснил он. — Мамин брат. Он раньше сидел в тюрьме.

Когда разувшийся «дядя Сеня» вошёл в гостиную, в мои ноздри ударило удушливым перегаром.

Узкий покаты́й лоб, скошенный подбородок, колючие близкопосаженные глаза.

Мне он, помнится, сразу тогда не понравился. Черты его лица расположения к себе не внушали.

«Дядя Сеня» вытащил из-под свитера прозрачную поллитровку, — очевидно, это был самогон, — поставил её на стол и после этого подошёл ко мне.

— Ну, будем знакомы! — воскликнул, протягивая мне руку, он. — Семён.

И мы обменялись крепким рукопожатием. Ладонь у него была задубевшая, тяжёлая.

Семён обшарил глазами углы и вопросительно развёл руками.

— А где же наш святой отец?

— Пока ещё не пришёл, — проворчала Ксения.

Она зашла в гостиную вслед за братом и открыла форточку.

— Ну, что же это он так? Помешался на своих молитвах, прямо как белка на орехах! — укоризненно всплеснул руками Семён и, заметив, как помрачнела его сестра, ободряюще потрепал её по плечу: — Ну, не сердись, не сердись. Это же я так, шучу.

После этого его внимание переключилось на Артёма.

— О-па! А что это у тебя тут такое? — подсел к нему он. — Ба! Да это же, по всей видимости, компьютер!

— Компьютер, компьютер, — меняя позу, отстранился от него племянник.

— Да с такими «понтами» ты определённо первый пацан на деревне! — залиvistо хохотнул Семён. — Тебе, наверное, его дедушка подарил?

Артём отмахнулся от него, как от назойливой мухи:

— Дедушка, дедушка...

Мы посидели ещё с полчаса, пытались о чём-то поговорить, но разговор у нас упорно не клеился. Радика всё не было и не было, и Семён, наконец, засобиравшись домой.

— Ладно, я наверное пойду, — встал с кресла он. — Уже за полночь, время позднее... Да не волнуйся ты! — наклонился он к Ксении. — Ничего с твоим суженым не случилось! Ну, может попал на ночную молитву. Или, там, немножечко приболел...

Когда Ксения, проводив брата, вернулась в гостиную, на ней буквально не было лица. У меня у самого на душе скребли кошки, но от её расстроенного вида мне стало как-то совсем уж не по себе.

— Давайте-ка лучше ложиться спать, — предложила Ксения. — Евгений Николаевич, пойдёмте, я покажу вашу комнату. Ну, а завтра узнаем, что у него там случилось. Как говорится, утро вечера мудреней!..

Зарывшись в свеженакрахмаленную постель, я стал задумчиво смотреть в окно.

«Да придёт он, придёт!», — старательно внушал себе я.

Но на душе у меня было всё-таки не спокойно...

Глава пятая

Снаружи вовсю лил дождь. Его мокрые пальцы реактивными струями яростно барабанили по оконным стёклам. Часы показывали девять утра.

Я поднялся с кровати и, позёвывая, подошёл к окну. За окном было хмуро. Сверкнувшую в небе серебристую молнию с небольшим запозданием догнал протяжный раскат оглушительного, пушечного грома.

Я натянул трико, взял висевшее на спинке кровати белоснежное махровое полотенце и, стараясь не шуметь, полагая, что хозяева ещё спят, почти что на цыпочках вышел в коридор.

Но хозяева уже не спали.

Дверь гостиной была открыта, и я увидел сидевшего на диване и уткнувшегося в планшет Артёма. Мы отсалютовали друг другу: «Привет!».

— Папа не приходил? — спросил его я.

— Нет. Мама рано утром ушла к нему в монастырь.

— И это в такую погоду? — подивился я.

— Когда она уходила, такого дождя ещё не было.

Артём соскочил с дивана и отложил планшет в сторону.

— Иди, умывайся. Сейчас будем завтракать.

Я зашёл в ванную, включил газовую колонку и подставил ладони под быстро нагревающуюся струю.

«А ведь хорошую жену нашёл себе Радик! — подумалось мне. — Сразу видно, что это надёжная спутница, а не какая-то там стервозная и кокетливая пустышка».

Умывшись, я прошёл на кухню и застал там умопомрачительную картину. Артём самостоятельно изготавливал бутерброды! Он намазывал сливочное масло на хлеб и накладывал на него сверху сыр.

— Садись, — пригласил меня к столу он, погасил газовую горелку и взял с плиты исходящий горячим паром чайник.

— Осторожно! — подскочил к нему я и выхватил чайник у него из рук, за что тут же был удостоен недоумённым взглядом своего внука. Что ты, мол, дедушка? Ты думаешь, я с чайником обращаться не умею?

За завтраком у нас с ним состоялся оживлённый разговор.

— А ты умеешь ещё что-нибудь готовить? — спросил его я.

— Да, — с гордостью кивнул Артём. — Я умею тушить картошку, варить пельмени и жарить яичницу.

— Какой молодец! — похвалил его я. — Тебя этому научила мама?

— Не только мама, но и папа тоже. Только, вот, он редко у нас бывает, — вздохнул Артём.

— А почему?

— А потому, что он служит в монастыре, и его отпускают только на выходной.

Я краем глаза поглядывал на своего внука и не переставал поражаться его сходству с отцом. Те же интонации, тот же голос, те же манеры, та же жестикуляция! И я вдруг поймал себя на ощущении, что напротив меня сидит маленький Радик!

— А что вы делаете с папой, когда он приходит?

— Работаем по хозяйству, смотрим телевизор, читаем книжки, играем в футбол. — И далее Артём выдал то, что заставило меня поперхнуться и покраснеть: — А по ночам они с мамой сексом занимаются.

Да, вот такие они, современные дети!

— А где работает твоя мама? — поинтересовался я.

— В сельсовете! — со значением произнёс Артём.

— А с кем ты проводишь время, когда она на работе?

— Раньше с тётей Олей, нашей соседкой. Но теперь я уже к ней не хожу. Я уже взрослый, и теперь я всегда бываю здесь.

— А вот дядя Сеня, который вчера приходил? Он к вам часто приходит в гости?

— Да нет, не часто. Он хоть и наш родственник, но мама его не любит.

— Мне показалось, что ты тоже его не любишь.

Артём сморщил нос.

— Дядя Сеня — он злой. И ещё он сидел в тюрьме...

Ксения появилась после полудня. Она была насквозь промокшая, хмурая и подавленная. Едва войдя в дом, она обессилено опустилась на стоявшую в прихожей скамейку.

Из гостиной выскочил Артём.

— Мама, — удивлённо воскликнул он, — а где папа?

Ксения молча привлекла его к себе. Прижав сына к груди, она задумчиво уставилась в какую-то точку перед собой. Её взгляд наполнился какой-то смешанной с обречённостью тревогой.

— Ксения, что случилось? — спросил её я. — Что вам сказали в монастыре?

— Он ушёл вчера сразу же после вечерней молитвы, — глухо сообщила она. — Но сюда он не приходил, и в монастырь он обратно не возвращался.

Моё волнение, осадок которого сохранялся ещё со вчерашнего вечера, переросло в ощущение надвигающейся катастрофы.

— Подождите, давайте пока не будем поддаваться панике, — словно схватился за соломинку я. — Давайте попробуем мыслить логически. И начнём мы со следующего: куда он, кроме как сюда, мог пойти ещё после монастыря?

— Никуда, — твёрдо сказала Ксения.

— А вы в этом уверены?

— Уверена.

— А кого он здесь ещё знает?

— Да практически никого.

— А с кем он ещё здесь общается?

— Да ни с кем!.. Ну, если только, бывает, с Семёном.

И тут у меня зашевелилась неприятная мысль: а может Радик просто не хочет встречаться со мной? Пригласил, вот, поддавшись какому-то импульсивному порыву, ну а после остыл и, что называется, «протрезвел».

Вслух я этого, конечно, не произнёс. Но эта мысль засела во мне очень острой занозой...

Послышался знакомый символический стук, и сквозь портьеры просунулась сияющая физиономия Семёна.

— Ну, явился, наконец, наш святой отец?

Но, увидев наши лица, он тут же осёкся. Мы сидели в гостиной грустные и растерянные. Семён, посерьёзнев, подошёл к сестре.

— Ты в монастырь ходила?

— Ходила.

— И что тебе там сказали?

Ксения повторила ему всё то же самое, что ранее говорила и мне.

— С ним что-то произошло, — горестно пробормотала она. — Я сердцем чувствую, что с ним что-то случилось!

— Та-а-ак! — озабоченно протянул Семён. — Дело, похоже, принимает серьёзный оборот.

Мой шурин прошёлся по комнате, — Ксения была настолько расстроена, что даже не отреагировала, что он зашёл в неё обутым, — и подошёл к окну.

Я только сейчас заметил, что дождь на улице уже прекратился, и что на небе снова засияло солнце.

Постояв немного, опершись руками о подоконник, Семён развернулся и решительно направился к выходу из гостиной.

— Пусть наша Ксюша, наверное, успокоится и отдохнёт, — хлопнул меня по плечу он, — ну а мы с тобой давай-ка махнём ко мне. Посидим, покумекаем и всё хорошенько обсудим.

Раздражённый этими его панибратскими манерами, я уже собрался было конкретно послать его ко всем чертям. Но подняв глаза, я увидел, что он за портьерами делает зовущие за собой жесты. И по этим жестам я понял, что ему нужно сказать мне что-то наедине...

Глава шестая

Я уже замечал, что дом — он способен многое рассказать о своих хозяевах. Так вот, дом, в котором проживал Семён, являл собой полную противоположность жилищу Ксении и Радика. Да и можно ли было это, вообще, назвать домом? Это был не дом. Это была, скорее, какая-то убогая хибара.

Да, именно хибара. Вот так я и буду его далее называть.

На пороге этой убогой хибары нас встретила «кукла-неваляшка», на которую, вместо головы, как будто бы насадили луковицу. Брезгливая гримаса, как будто она собиралась плюнуть кому-то в физиономию, мутные глаза, расплывчатые черты лица.

— Вот, это моя Алёна, — представил её Семён. — А это отец Радика, Евгений Николаевич.

Алёна окинула меня оценивающим взглядом и состроила губами нечто отдалённо напоминающее улыбку.

Я состроил губами примерно то же и вежливо поздоровался.

Семён игриво хлопнул свою сожительницу по «пятой точке».

— Ох, женщины! — театрально воскликнул он. — Женщин нужно носить на руках. Ну а на голову они уже сами тебе усядутся.

Алёна неодобрительно фыркнула и кокетливо отстранилась.

— Вот что, Алёна, — свёл брови Семён, — сходи-ка, навести свою мамочку. А то нам нужно тут кое-что обсудить.

Алёна беспрекословно повиновалась. Она накинула на себя платок, надела фуфайку и натянула резиновые сапоги. Проходя между нами, она выразительно тернула об меня своим тазом, что, по всей видимости, должно было означать завуалированное проявление симпатий.

В прокуренной насквозь комнате, — она была единственной во всём доме, не считая кухни, — царил полный хаос. Со стен свисали лоскутья отклеившихся обоев, на столе стояли грязные тарелки с остатками еды.

Я уселся на одну из стоявших у стола табуреток. Семён отнёс грязную посуду на кухню и вернулся оттуда с банкой маринованных огурцов.

— Трамбануть кишку хочешь? — спросил меня он.

— Чего? — не понял его я.

— Ну, в смысле, заморить червяка. Можем сварить пельмени.

Окружавшая меня обстановка аппетита что-то не навевала, и я, поблагодарив его, отказался.

Семён поставил на стол две рюмки, початую бутылку водки и уселся напротив меня.

— Ну что, за знакомство? — предложил он.

Я поморщился и помотал головой.

— Не хочешь — как хочешь, — проворчал мой шурин. — Дело хозяйское. Ну а я, с твоего позволения, хряпну.

Он налил себе рюмку, залпом опрокинул её содержимое и, закусив выпитое огурцом, сощурившись, уставился на меня.

— Ну, как тебе моя баба? — подмигнул мне он.

Я пожал плечами.

— Ты же с ней живёшь, а не я.

Семён налил себе вторую рюмку.

— Алёна — она баба хорошая. Да, она некрасивая, но зато она очень преданная... Ну, да ладно, — крякнул он. — Языком молоть — не дрова колоть. Так что, давай-ка поговорим о деле.

Я придвинулся ближе к столу и весь обратился в слух.

— Давай сначала проясим, по ходу, такой момент, — подался вперёд Семён. — Я, разумеется, понимаю, что никаких симпатий у тебя не вызываю.

— Ну, почему..., — из вежливости попробовал возразить я.

— Да полно, полно, — резанул ладонью воздух Семён. — Я же ведь не ребёнок. Я же прекрасно всё вижу. Да, я этого не скрываю, я сидел, — откинулся назад он. — Натворил, знаешь, дел по молодости. Сначала всплеск гормонов и пьяный энтузиазм, а затем острое чувство вины и горький стыд от содеянного. Но мой срок уже в прошлом!

Семён побарабанил пальцами по столу.

— Ты не беспокойся, в друзья я к тебе не лезу, — снова подался вперёд он. — Я хочу лишь помочь тебе найти сына. Хороший он у тебя. Скромный и работающий, заботливый и порядочный. Я, знаешь ли, его уважаю!

И Семён опрокинул вторую рюмку.

— А ты знаешь, кто надоумил его написать тебе то письмо? — выставил глаза он.

— Неужели, ты? — удивлённо вскинул брови я.

— Да, я, — подтвердил Семён. — И это действительно так. Я ездил недавно в Москву на заработки. Ну, он меня перед отъездом и попросил: разузнай, мол, по-тихому, как там дела у моего отца. И я сделал это довольно оригинально. Представился твоим соседям сотрудником телевидения — и они мне всё про тебя и рассказали.

— Значит, это был ты! — вскинулся я. — Они ведь говорили мне о твоём визите. А я-то думаю, чего этот режиссёр с телевидения ко мне-то потом не зашёл?

— А чего к тебе было заходить? — скривил губы Семён. — Что ты собой представляешь — это и так было видно. Да ты и сейчас-то выглядишь ненамного лучше. Ты уж извини меня за мою прямооту.

Я смущённо поник.

— Приехал я, значит, домой, — продолжал Семён, — и устроил тут твоему Радике грандиозную взбучку. Что ты, говорю, падла, делаешь! До чего же ты, падла, довёл своего отца!.. То, что я ему рассказал, стало для него настоящим шоком. Он ведь полагал, что ты живёшь хорошо. И он тут же, вот здесь, вот за этим столом, и написал тебе это самое-то письмо. Ну, а я на следующий день отправил его по ускоренной почте. Так что теперь ты знаешь, кому ты этим приглашением сюда обязан!

В моей душе мучительно защемило.

— Налей мне, — попросил его я.

— Да, пожалуйста, — охотно наполнил мне рюмку Семён и пододвинул мне маринованные огурцы.

— Так вот, — продолжил, дождавшись, когда я закушу, он, — я хочу помочь тебе потому, что это затрагивает мою сестру. Она ведь очень любит твоего сына, и без него, я боюсь, она просто усохнет.

И Семён снова наполнил наши рюмки доверху.

— У меня есть обоснованные подозрения, что могло случиться что-то серьёзное! — понизил голос он. — Твой сын — он ведь остро чувствует несправедливость. Про таких, как он, говорят, что он-де не из тихонь.

— Да, он с детства такой, — подтвердил я. — У него душа так устроена. Он и в детстве ходил по лезвию бритвы.

— Вот-вот, — вознёс свой указательный палец Семён. — Поэтому давай-ка будем действовать сообща.

Мой шурин по-барски закинул ногу на ногу.

— Там, где пахнет криминалом, тебе без моей помощи не обойтись, — нравоучительно произнёс он. — Ведь криминал — это такая среда, где более всего важен именно жизненный

опыт. И я такой опыт, как ты знаешь, имею. А ты, уж извини меня, до него ещё не дорос... Ну, так как? — закурив, спросил меня он. — Будем держаться вместе или будем подчиняться своим эмоциям?

— Будем держаться вместе, — сделал свой выбор я.

— Ну, вот и славно.

Семён затаился и выпустил дым. Морщины на его лице слегка разгладились. Мой шурин опять подался вперёд и поведал мне следующую историю.

По словам Семёна, всё началось около двух лет назад, после смерти прежнего настоятеля монастыря, отца Афанасия.

При отце Афанасии, который управлял обителью двадцать лет, Свято-Успенский Усть-Бардинский мужской монастырь представлял собой весьма убогое заведение. Убогое — в смысле нищенских условий жизни.

Да, богоугодные заведения и не должны выделяться роскошью. Но одно дело скромность и простота, и совсем другое — хозяйственная разруха.

Условия жизни, по мнению отца Афанасия, это было дело десятое. Главное, по его мнению, это было служение Богу. И если у тебя в стенах образовались трещины, и, кроме этого, течёт потолок, то значит Всевышнему так угодно, и ты к этому должен относиться смиренно.

Не беда, что под ногами хлюпают лужи, а в монастыре повсеместно разгуливают сквозняки. Главное — это служение Владыке нашему, и всё, что монаху нужно — это лишь только молиться!

После смерти отца Афанасия его место занял отец Ираклий. И с приходом нового настоятеля дела в монастыре заметно пошли на лад.

Первое, что сделал отец Ираклий — это устроил в монастыре капитальный ремонт. Переложили паркет, поклали новую крышу, заменили трубы и провели, наконец, долгожданную канализацию.

А как облагородили монашьи кельи! Не в каждой квартире имеется такая цивильная обстановка!

Молиться Создателю — оно, разумеется, хорошо. Но жить в хороших условиях — оно ведь тоже приятно!

И монахи отца Ираклия зауважали.

— А откуда же он взял на это деньги? — осведомился я.

— Да меня, вот, тоже интересует этот вопрос, — развёл руками Семён. — Ходили разговоры, что «бабки» пожертвовал его брат. Но правда это или нет — не знаю.

Другие изменения, последовавшие с приходом нового настоятеля, касались уже степени открытости монастыря.

Если при отце Афанасии в монастырь принимали отнюдь не всех, — отец Афанасий умел заглядывать в душу, и если он видел в ней какую-то червоточину, то без стеснения давал её обладателю «от ворот поворот», — то при отце Ираклии ворота обители открылись практически для любого. Новый настоятель объяснял это тем, что в монастыре не хватает рабочих рук.

— Рабочие руки монастырю, конечно, нужны! — веско вскинул палец Семён. — Но зачем, вот, ему нужны матёрые уголовники? — добавил он, усмехнувшись и понизив голос.

Когда отец Ираклий принял в обитель несколько освободившихся только что заключённых, Радик нутром почувствовал, что сделано это было неслучайно и неспроста.

Он за ними понаблюдал, после чего уяснил, что вся эта компания вершит какую-то незаконную контрабанду... хотя, какая контрабанда может называться законной! Что руководит этой контрабандой настоятель монастыря. И что монастырь для них — это перевалочный пункт.

— Ты представляешь, какое в нём вспыхнуло негодование? — воскликнул Семён. — Ведь это возмутительное, неслыханное кощунство, заниматься преступным деянием под прикрытием святой обители!

— Он обратился в полицию? — беспокоился я.

— Какую ещё полицию? — выставил глаза Семён. — Ты что, не знаешь нашей полиции? Я не удивлюсь, если она окажется в доле!..

Снаружи послышался стук колёс и цокот лошадиных копыт. Я непроизвольно повернул голову — в окне промелькнула какая-то запряжённая лошадью телега.

— Митрич куда-то поехал, — кивнув на окно, заметил Семён. — Это наш бывший колхозный конюх. Во, энергия! И не скажешь, что ему уже восьмой десяток!

Мы снова опустошили рюмки, и Семён вернулся к своей прежней теме.

— Радик мне говорил, — тихо произнёс он, — что он хочет передать с тобой на Петровку своё письмо. Именно передать из рук в руки, ибо отправлять его отсюда почтой опасно. А ещё он мне говорил, что к твоему приезду соберёт подтверждающие его подозрения факты. И вот я очень боюсь, — Семён перешёл на шёпот, — что его за этим занятием и засекли.

У меня по спине поползли мурашки. Воцарилась напряжённая тишина.

— Я вот что мыслю, — гася сигарету, сказал Семён. — Чтобы понять, что произошло, нужно понаблюдать за монастырём изнутри. Мне туда соваться, ясное дело, нельзя. Меня там прекрасно знают. Ведь я шурин Радика. Ну а вот ты — это прекрасная кандидатура. Ведь тебя здесь никто не знает. Так почему бы тебе не поступить в монастырь?..

От Семёна я выходил в тревожной задумчивости. Я был настолько погружён в свои мысли, что едва не угодил под копыта мчавшейся мне навстречу лошади. Это была та самая повозка, которую я ранее видел из окна.

— Тпру-у-у!.. Ну ты что, ёшкин кот? — обрушился на меня сидевший в телеге сухонький старичок в старомодной широкой фуражке и очень маленьким острым носом. — Прямо, вон, под кобылу лезешь! Перебрал, что ли, лишку? А мне, что, потом за тебя отвечать?

— Извините, пожалуйста, — попросил его я. — Похоже, действительно перебрал. Иду, вот, и совершенно ничего не замечаю.

— Ладно, сделаем скидку, что ты не местный, — помягчел старичок. — Табачком-то не угостишь?

— Честное слово, бы угостил, — улыбнулся я. — Но вот так получилось, что не курящий!..

Глава седьмая

Есть такое понятие — «вымирающая деревня».

Можно ли было назвать посёлок Мустамятса вымирающим? Пройдя по его главной улице, — а всего их в нём было две, — я пришёл к выводу, что, скорее всего, можно.

Да, посёлок, хотя и скромно, но жил. В нём работали и почта, и магазин, и школа, и сельсовет. Но слишком уж много было в нём бесхозных домов! Так что движение к его вымиранию прослеживалось невооружённым глазом.

Миновав Мустамятсу, — чтобы пройти его от края до края, требовалось всего каких-то тридцать с небольшим минут, — и пройдя примыкавший к нему заснеженный луг с покосившимися, сделанными из дерева, футбольными воротами, я оглянулся на оставшиеся позади четыре ряда деревянных домов, — последних в посёлке было примерно с сотню, — и вдохнул в себя головокружительный аромат расстилавшегося передо мной и казавшегося издали непроходимым леса.

Я медленно шёл вперёд и невольно отмечал про себя его одновременно манящую и пугающую величественность. Но я не любовался этой его величественностью. Я всего лишь только её отмечал.

В другое время я, может быть, и наслаждался бы этой его изумительно чистой и по-настоящему первозданной красотой. Но посудите сами, разве можно погрузиться в поэзию, когда тебя переполняет граничащее с паникой беспокойство?

Мохнатые ветви могучих, казавшихся вековыми, сосен нависали над изгибающейся плавными волнами и укатанной в две глубокие колеи, постепенно сужающейся просекой. Это была единственная дорога, соединявшая оставленный мной посёлок с находившимся впереди, где-то за лесом, монастырём. Дорога смотрелась вполне ухоженной, а это означало, что ею здесь пользовались довольно часто.

— Ни шагу без согласования со мной! — инструктировал меня накануне Семён. — Твоя задача — пока лишь только слушать, да наблюдать. А на втором этапе мы будем действовать уже сообразно выясненной тобой обстановке. Понты корявые не колоти и вертухая из себя не строй, — строго-настрого наказал мне он. — И хорошенько запомни, что обитель здесь в заморозке, и что места здесь очень и очень глухие.

При всей своей имевшейся у меня тогда к нему неприязни, я должен признать, что мой шурин оказался довольно-таки неплохим стратегом.

Прошу обратить внимание, не тактиком, а именно стратегом!

Обсуждение рациональных вещей помогло мне справиться с нарастающей мало-помалу паникой. Семён разложил мне всё буквально по полочкам. Он разобрал передо мной всё буквально по мелочам.

— Ты должен выставляться как кило маргарина... ну, в смысле, погружённым в апатию тюфяком, — разъяснил мне он. — Скажи настоятелю, что ты полностью спился, что ты перестал чувствовать смысл своей жизни. Мне кажется, ты сможешь это сыграть.

— Конечно, — горько усмехнулся я. — Ведь это — играть самого себя.

Семён смущённо кашлянул.

— Ну, можешь думать так, если хочешь... Смотри, что приносят. Смотри, что уносят, — продолжил свои наставления он. — Работу выполняй через силу, без какого-либо энтузиазма. Не вступай ни с кем ни в какие переговоры. Понаблюдай, что происходит там по ночам! — вскинул указательный палец он. — И ходи, всегда опустив глаза. Короче, паси ёжиков и не бибайкай...

Из разговоров с Ксенией я уже знал, что в посёлке этот лес называют Ведьминым. И по мере своего продвижения вглубь, я стал постепенно осознавать, почему.

Где-то примерно на середине пути я словно бы оказался в аномальной зоне. Это был протяжённый, усталый какой-то маслянистой чёрной землёй, участок, который как будто перенёсся сюда из другой реальности.

Мне тут же вспомнились страшные сказки из своего далёкого детства: непролазные чащи, злые лесные духи, козни нечистой силы, Баба-Яга и Кощей!..

Ну а вам бы они, вот, не вспомнились? Вот представьте себе следующую картину.

Вдоль тропинки — гигантские, скрюченные, словно корчащиеся в неопишуемых муках, хищно раскинувшие свои ветви сосны. Отслоённые, напоминающие изгнившую человеческую плоть, бесформенные куски древесной коры.

Но главное — это тишина! Здесь была какая-то мёртвая и пугающая тишина!

Ещё каких-то двести метров назад до меня доносился стук дятла, шорох гонявшихся друг за другом белок. А тут вдруг бац — ну и прямо как в вакууме! Ни малейшего звука, свидетельствующего о присутствии какого-либо, даже самого маленького, живого существа.

Просеменив метров тридцать, я вдруг обнаружил, что я в лесу не один. Бросив в сторону случайный взгляд, я вдруг увидел какую-то скрюченную, кособокую, облачённую в широкую брезентовую штормовку и опирающуюся на увесистую клюку, старуху.

Старуха стояла у какой-то чахлой сосны и что-то шептала себе под нос. Она копалась в заполненном многочисленными гнилушками, разбивавшем ствол по самому её центру проёме и не обращала на меня ровно никакого внимания.

— Извините, пожалуйста, — крикнул я ей. — Скажите, а я правильно иду к монастырю?

Но глаза у этой «Бабы Яги» оказались настолько дикими и свирепыми, что я торопливо продолжил свой путь, не став дожидаться её ответа.

Лес вскоре начал редеть. Пройдя ещё с километр, я вышел на большую и слегка заснеженную поляну. Небо было чистым, как озёрная гладь.

Мой путь подходил к концу. Впереди вырисовывался монастырь...

Глава восьмая

Монастырь встретил меня недружелюбно. Едва я прошёл через ворота, как меня тут же обляяли две резвившиеся неподалёку дворняжки.

— Борька, Полина, цыц! — прикрикнул на них проходивший мимо ворот монах: чёрные волосы, узкое лицо.

Я вежливо поздоровался и смущённо изложил ему цель своего визита...

Настоятель Свято-Успенского Усть-Бардинского мужского монастыря игумен отец Ираклий мне в приёме не отказал. Но в ожидании одного мне пришлось провести порядка двух часов на скамейке, что стояла у монастырского храма.

Сначала я ждал, когда закончится утренняя литургия, — как мне объяснили, это самое важное богослужение, на котором восславляют Господа нашего, — а затем настоятель ушёл по каким-то своим делам, и мне опять пришлось его ожидать.

Чтобы скоротать время, — а лучший способ — это чем-то себя занять, — я принялся изучать проходивших мимо или просто попадавших мне на глаза насельников монастыря, втайне надеясь заприметить среди них и Радика.

Поглядывая на этих людей из совершенно чуждого для меня мира, я испытывал тоскливое одиночество и уныло вздыхал: эх, мне бы ваши заботы, господа отшельники!

Первыми, на кого я обратил внимание, стали отец Митрофаний и отец Феодор. Два закадычных друга, и в то же время явные антиподы! Причём антиподами они были во всём, начиная от черт своей колоритной внешности, и заканчивая особенностями своего характера.

Толстый, круглолицый, пышнощёкий отец Феодор смотрелся полной противоположностью на фоне худого, костлявого и узколицего отца Митрофания. А суетливость и истеричная нервозность последнего, — среди насельников его именовали просто Митрошкой, — явно контрастировала со спокойствием и степенностью излучавшего респектабельность отца Феодора.

А может именно это и предопределило их дружбу? Ведь в жизни тоже имеет место эффект разнополярности магнитных полюсов!

Я впервые увидел их, когда они, увлечённые оживлённой беседой, выходили с утренней литургии. И предмет их беседы был каким-то очень уж философским. Вот что, помнится, уловил тогда при их появлении мой слух.

— Поэзия, отец Митрофаний — это ничтожнейшее искусство, которое питается одними лишь эфемерностями!

— Но псалмы, отец Феодор, они ведь тоже рождены поэзией!

— Псалмы, отец Митрофаний, рождены божественным вдохновением, а ваша поэзия заботится всего лишь о наслаждении!

— Нет, поэзия — это тоже божественное вдохновение! И вам не переубедить меня в этом, отец Феодор!..

Вторым, кто обратил тогда на себя моё внимание, был отец Киприан. У него были две сразу же бросающиеся в глаза основные приметы: лёгкая хромота на левую ногу и уж слишком откровенное косоглазие.

Особенно в этой паре выделялось второе. Даже если он смотрел на тебя прямо в упор, всё равно казалось, что он нацелился куда-то вбок.

В отличие от своих собратьев, Феодора и Митрофания, отец Киприан не остался равнодушным к моему присутствию.

— Кому вчера впаяли там епитимью? — сразу же огорошил меня вопросом он.

Но поняв по моему лицу (какую там ещё епитимью?), что по отношению ко мне этот вопрос прозвучал, ну, как-то явно уж не впопад, он досадливо отмахнулся и быстрым шагом направился к колокольне.

Чуть позже я узнал, что он был «правой рукой» настоятеля.

После отца Киприана моё внимание сосредоточилось на одной небольшой, кучковавшейся у ограды, компании. Она привлекла моё внимание тем, что манеры трёх составлявших её послушников, — то, что это были послушники, я понял по их подрясникам и скуфейкам, — как-то не совсем гармонировали с приличествующим им иноческим саном.

Приблатнённая жестикуляция, хриплые голоса и специфические выражения их лиц, — специфические в том смысле, что в них не было и тени присущей монахам отстранённости от всего мирского, — не оставляли никаких сомнений в том, что это были те самые бывшие заключённые, о которых мне накануне упоминал Семён.

Я сразу же почувствовал к ним неприязнь. Моя интуиция, этот тихий голос внутри, настойчиво мне подсказывала, что именно от них и исходит как раз таки главная опасность...

Рабочий стол в кабинете настоятеля монастыря пребывал в состоянии художественного беспорядка.

Отодвинув в сторону нагромождавшие его бумаги, отец Ираклий вопросительно уставился на меня. Выдержать взгляд игумена было непросто. Даже очень непросто. Он отличался такой пронзительностью, точно просверливал меня насквозь.

— Я хотел бы поступить в монастырь, — объяснил своё появление я. — Если, конечно, есть такая возможность, и если я могу быть вам чем-то полезным.

Отец Ираклий снял с головы свою чёрную камилавку. Под ней обнаружился высокий лоб интеллектуала и длинная прядь пепельно-серых, серебристых волос.

— Рабочие руки нам, конечно, нужны, — сказал он. — Рабочих рук у нас, увы, не хватает. Но позвольте всё же полюбопытствовать, а что стоит за этой вашей инициативой? Стремление послужить Богу или, извините, у вас просто не задалась жизнь?

— Не задалась жизнь, — опустил глаза я и, сосредоточившись на носках своих ботинок, неторопливо поведал всё то, о чём мы накануне договорились с Семёном.

— То-есть, намерений принять монашеский постриг вы пока не имеете? — уточнил настоятель.

— Пока не имею, — помотал головой я. — Я просто хочу вернуть какой-то смысл в свою жизнь. А то, понимаете, и жить-то не хочется, если в ней нет никакого смысла.

— Ну, а почему вы пришли за этим именно в монастырь?

Я пожал плечами.

— Не знаю, прав я или не прав, но мне почему-то кажется, что монастырь — это то самое место, где можно обрести умиротворение и покой. А умиротворение и покой — это как раз то, чего мне сейчас так сильно не хватает.

Отец Ираклий повернулся к окну. Я только сейчас заметил, что у него был какой-то приплюснутый затылок. Я внимательно взгляделся в его лицо: высокие скулы — признак железной воли; кавказский, с горбинкой, нос...

И тут настоятель резко вернул голову в прежнее положение. Он, по всей видимости, почувствовал, что я пристально его рассматриваю.

Я снова смущённо опустил глаза. Не воспринял бы он это моё внимание к себе враждебно!

Воцарилась томительная тишина. Я покосился на дверцу серванта, в стекле которого вырисовывалось изображение игумена — он задумчиво наблюдал за моими, то поглаживавшими, то щипавшими друг дружку пальцами.

Я развёл руки в стороны и крепко сжал кулаки. Нет, что ни говори, а я всё же плохо умею владеть собой!

— Человеческая душа — это потёмки, — наконец вымолвил отец Ираклий. — Бывает, что её обладатель не в силах с ней совладать. К нам приходят разные люди. Встречаются и такие, как вы. У каждого своё прошлое, и у каждого имеются свои проблемы.

И он откинулся на спинку кресла.

— Ну, что я вам могу сказать? Некоторые, побыв у нас с месяц, уходят. Понимают, что пришли сюда, не подумав. По большей части, это молодые ребята, которые рассудили, что ежели девица им не дала, то и Армагеддон уже настал. А некоторые остаются. Случается, что и навсегда остаются. Сначала служат трудниками, потом послушниками, ну а затем уже принимают постриг. Как будет с вами — и я не знаю, да и вы, наверное, пока не знаете, — со вздохом промолвил он. — Как говорится, поживём — увидим... Ну что ж, давайте попробуем. У вас имеются какие-нибудь документы?

Я с облегчением кивнул и вытащил из кармана куртки свой паспорт.

— Чернышев Евгений Николаевич, — прочёл моё имя игумен и заглянул на следующую страницу. — Город Москва? — удивлённо воскликнул он. — Так это получается, что вы не из местных! И чем же вас так привлекли, интересно, наши края?

— Их отдалённость, — озвучил уже заготовленное мною объяснение я. — Захотелось, вот, знаете ли, скрыться от всех своих родственников и знакомых.

Отец Ираклий задумчиво забарабанил пальцами по столу.

— Должен вас официально предупредить, — и в его взгляде появилось какое-то недоверие, — что в наш монастырь, равно как и в другие монастыри, не могут быть приняты люди семейные, уклоняющиеся от своих долговых обязательств, а также скрывающиеся от уголовного преследования.

— Я давно разведён, — ответил я, — от полиции не скрываюсь и долговых обязательств ни перед кем не имею.

— Вы готовы дать мне в этом письменную расписку?

— Разумеется, — выразил свою готовность я.

Вернув мне паспорт, переписав перед этим все его данные, и приняв от меня вышеупомянутую расписку, отец Ираклий, подытоживая, произнёс:

— Я принимаю вас трудником. Вы знаете, что такое трудник?

Я помотал головой.

— Нет, не знаю.

— У нас принято говорить: не ведаю, отче.

— Не ведаю, отче, — исправился я.

— Давайте, я вам расскажу. Трудник — это самая первая ступень в нашей монастырской иерархии, — принялся объяснять мне он. — Это время становления будущего монаха, время для его раздумий: действительно ли монашество — его призвание, или всё-таки нет. В период трудничества человек молится, исповедуется, постигает азы монашеской жизни и работает на благо монастыря. Чем выгоден статус трудника — так это, конечно, своей свободой. Поскольку никаких обетов у трудника нет, он может в часы досуга свободно покидать пределы монастыря. Вам тоже будет разрешено в досуг покидать пределы монастыря. Но при этом есть, правда, одно условие: перед уходом вам нужно будет испросить моё благословение. Теперь переходим ко второй ступени, — вальяжно сменил позу он. — Вторая ступень — это послушник. Послушник — это человек, который готовится к постригу в монахи и проходит предшествующее ему духовное испытание. По сравнению с трудником, он имеет уже гораздо меньше свободы. Послушниками становятся те, кто в период трудничества не усомнился в своём монашеском призвании. Обычно срок монашеского искуса, — это срок послушничества, — он составляет не менее трёх лет. Но так, вообще, у нас принято, что он определяется для каждого индивидуально... Следующая, последняя, третья ступень — это уже монах! — со

значением произнёс отец Ираклий. — Монах — это уже непосредственный служитель Бога, и на него накладываются пожизненные монашеские обеты...

Подробно рассказав мне об особенностях жизни монахов, — пересказывать их здесь я, наверное, не стану; я думаю, это будет излишним, — настоятель мне сообщил, что моим наставником будет некий отец Гавриил.

— Он определит вас сейчас на постой, всё покажет вам, всё расскажет. Обустраивайтесь, осматривайтесь, изучайте наш распорядок. Ну, а завтра утром — прошу на работу, — и отец Ираклий пододвинул к себе телефон. — У вас ещё остались ко мне вопросы?

— Да, — смущённо улыбнулся я. — Не могли бы вы объяснить мне смысл одного понятия?

— Какого понятия?

— Епитимья.

— Епитимья? А где вы уже успели с этим столкнуться?

И я поведал ему о реплике, которой озадачил меня отец Киприан.

— Епитимья — это церковное наказание, — улыбнувшись, разъяснил мне отец Ираклий. — Ну а что касается вчерашнего случая, то одного из наших трудников застукали вчера с сигаретой в туалете...

Когда я вышел из настоятельского корпуса, мной вдруг овладела лихорадочная тревога.

А ведь настоятель был не дурак! А что, если он с ходу меня раскрыл?

Глава девятая

Меня поселили на втором этаже в келью номер двенадцать.

Должен признаться, что кельи Свято-Успенского Усть-Бардинского мужского монастыря меня в тот день приятно удивили. Ведь мои представления о монашеских кельях на тот момент формировались главным образом посредством художественных кинофильмов, — ну, «Имя Розы», например, — где действие происходит в средние века. Каково же было моё удивление, когда вместо пустой, увешанной распятиями и иконами унылой пещерки, — а именно такой мне и представлялась монашеская келья, — моим глазам предстал чистый и светлый двухместный номер вполне себе приличной современной гостиницы!

Да, Семён говорил мне, что в монастыре недавно сделали хороший ремонт. Но я всё же никак не ожидал, что этот ремонт и в самом деле окажется действительно хорошим!

— С вашим соседом по келье, — его зовут Богдан, — вы познакомитесь вечером, когда он вернётся с трудовой повинности, — сказал сопровождавший меня отец Гавриил.

Это был лет семидесяти, весьма проворный для своего возраста, маленький старичок с отдававшими некоторой хитрецей глазами, и с обрамлённым аккуратной остроконечной бородкой лицом аскета.

— Трудовая повинность — это то же самое, что в миру означает работа. Так она называется в монастыре, — разъяснил мне отец Гавриил, заметив появившееся на моём лице недоумение. — В монастыре существует ещё и другая повинность — это утренняя и вечерняя молитва. Она называется «молитвенное правило», — дополнил он «каталог прелестей» насыщенной жизни монастыря. — И все насельники обязаны его неукоснительно соблюдать. Утренняя молитва — в шесть утра, вечерняя — в пять часов вечера, — и мой наставник указал мне на висевший на двери распорядок. — Ну, а сейчас кладите свои вещи и пойдёте дальше.

Я поставил свою сумку за спинку свободной кровати, — она была справа, прямо напротив двери, — и ещё раз обвёл глазами отведённое мне под пристанище помещение.

Чистенькая, аккуратненькая комнатка, примерно восемнадцать квадратных метров, лишь с самой необходимой мебелью — два шкафа, две кровати, два стула и стол.

Всё, что требуется для жизни, здесь есть.

А не занимал ли до меня это место Радик?..

— Этот корпус называется паломническим, — пояснил мне отец Гавриил, когда мы с ним вышли на улицу. — В нём проживают трудники, послушники, обслуживающий персонал, а также гости монастыря. Монахи в паломнических кельях не проживают. Для монахов у нас предусмотрены братские кельи, — и он указал мне на здание напротив.

Я невольно сравнил их между собой: оба кирпичные, двухэтажные, — но каких-то отличий найти не смог.

Я уточню, отличий лишь внешних!

Ну, разве братский корпус был только немного почище.

Белокаменный одноглавый храм и трёхуровневая, с открытой верхней площадкой, деревянная колокольня были единственными сооружениями комплекса Усть-Бардинского мужского монастыря, которые располагались в самом центре его, окружённой высоким забором, не шибко обширной, но всё же достойной того, чтобы называться просторной, территории. Остальные входившие в его состав постройки тянулись по периметру вдоль ограды. И первая из них, куда привёл меня отец Гавриил, встретила меня запахом свежесваренных щей.

Я сразу же понял, что здесь находятся трапезная и кухня.

Едва мы переступили через порог, как навстречу нам вышел какой-то обрюзгший монах. На вид — лет пятидесяти-шестидесяти. Он обращал на себя внимание тем, что имел какую-то бутылочную, я бы даже сказал, женскую фигуру.

— Доброго вам здоровья, отец Гавриил!

— Доброго вам здоровья, отец Исаакий! — склонил в ответ голову мой наставник.

Их приветствия прозвучали, вроде бы, вежливо и вполне дружелюбно, но мне всё равно показалось, что в голосе отца Гавриила сквозила какая-то скрытая неприязнь.

Показав мне трапезную, — я опишу её чуть позднее, в следующей главе, — отец Гавриил повёл меня в соседнее, хозяйственного назначения, сооружение, которое было разделено на несколько частей.

— Вот здесь мы храним наши продовольственные запасы, — стал показывать он, — вот тут у нас производственный инвентарь... вот здесь у нас деревообрабатывающий цех; кстати, ваш сосед Богдан работает именно в нём... вот это у нас гараж... а вот это у нас конюшня.

— У вас даже и машина имеется? — подивился я.

— Да, имеется, — мол, а что тут такого, подтвердил мой наставник.

— Фургон или бортовик? — поинтересовался я.

— Нет, легковая, — ответил отец Гавриил. — Это служебный автомобиль нашего настоятеля.

Наружу стали высовываться любопытные лица. Новые обитатели здесь появлялись не часто, и поэтому вполне естественным было то, что всем вдруг захотелось на меня взглянуть.

В глубине продовольственного склада метал «гром и молнии» отец Митрофаний. Объектом его недовольства был какой-то лохматый цыган. Звали этого цыгана Шандор.

Как я узнал чуть позднее, именно его как раз и застукали накануне с сигаретой в туалете.

Дальнейшее моё знакомление с монастырём происходило уже в сопровождении монастырских собак. Полина и Борька, видимо, перестали воспринимать меня чужаком и, наряду с отцом Гавриилом, также стали моими экскурсоводами.

Если производственно-хозяйственный корпус был в монастыре самым большим, то следующее здание, куда привёл меня мой наставник, являлось, напротив, здесь самым маленьким.

Впрочем, это «здание» даже и зданием-то не назовёшь!

— А вот это наша фармацевтическая лаборатория, — протянул руку отец Гавриил и указал мне на стоявший в углу ограды сарайчик. — Здесь у нас изготавливаются целебные настойки и сборы. Но посторонним сюда вход категорически запрещён.

— А кто здесь считается посторонним? — осведомился я.

— Все, кроме нашего травника отца Ксенофонта и его помощника брата Паисия.

— Даже вы? — изобразил удивление я.

— Даже я, — кивнул отец Гавриил.

— И даже настоятель монастыря?

— Да, и даже отец Ираклий.

Собаки, словно в подтверждение сказанному, разродились недовольным лаем.

Я взглянул в приоткрытую дверь «лаборатории» и заметил там невзрачного, седого монаха и его рыжеволосого молодого напарника. Они процеживали какой-то раствор.

Из сарайчика повеяло каким-то терпким и горько-кислым запахом. Я невольно поморщился. Запах был неприятный.

— Наши травяные настойки и сборы обладают уникальными целебными свойствами, — заявил не без гордости отец Гавриил. — К нам приезжают за ними даже из других областей. Мы даже стали их уже возить за границу!

— За границу? — вскинул брови я.

— Да, мы возим наши настойки в Финляндию. Благо граница отсюда совсем недалеко.

И тут меня как будто бы передёрнуло. Я вспомнил слова Семёна о выявленной Радиком контрабанде.

Значит, посторонним сюда вход запрещён! А не таится ли причина исчезновения Радика здесь?

Я засунул свои скрючившиеся пальцы в карманы, чтобы они не выдавали моего волнения: а не сосредоточена ли вся эта контрабанда в этой, вот, «фармацевтической лаборатории»?

Я отвернулся и сделал вид, что рассматриваю возвышавшуюся в стороне колокольню. Я обоснованно опасался, что мои мысли спроецируются на выражение моего лица.

Обогнув вдоль ограды всю территорию монастыря, — мне показали ещё монастырскую лавку, завели в часовню, провели вдоль заснеженного огорода и небольшого монастырского кладбища, — мы снова вышли к паломническому корпусу, сопровождаемые звонким лаем словно бы обрадовавшихся чему-то собак.

У входа в корпус стояли отец Ираклий и отец Киприан. Они негромко переговаривались между собой.

По моей спине пробежал настораживающий холодок. Мне показалось, что они как-то подозрительно на меня посмотрели...

Вернувшись в свою келью, я скинул ботинки, повесил на стул свою куртку и, не снимая ни свитера, ни брюк, улёгся на отведённую мне кровать.

Скоро всё равно идти на обед. Обед здесь начинался в четырнадцать часов. Стрелки показывали уже начало второго. Какой тогда был смысл переодеваться?

«Ну, и какие у нас итоги?» — закрыв глаза, спросил себя я.

Да какие тут, к чёрту, могут быть итоги? После нескольких-то часов пребывания в монастыре.

Но один итог всё же был — это зародившиеся во мне подозрения относительно «фармацевтической лаборатории».

Но куда, вот, подевался мой Радик?

Эх, был бы хотя бы хоть малейший намёк для ответа на этот самый главный и самый важный для меня вопрос!

В келье было тепло. В монастыре топили на совесть. Батареи были очень горячие, и я вскоре почувствовал, что стремительно погружаюсь в сон.

Из царства Морфея меня выдернули чьи-то отдававшие эхом шаги.

Когда считаешь обстановку враждебной, любые звуки способны породить лихорадочную тревогу.

— Можно?

У заглянувшего в келью облачённого в подрясник старца было настолько блаженное выражение лица, что создавалось такое впечатление, будто он только что спустился с небес.

Поправив свои роговые очки, он вопросительно уставился на меня.

Я слегка кивнул головой, но он на этот жест никак не отреагировал.

Позднее я узнал, что для разрешения войти мне просто следовало произнести: «Аминь». Но я тогда ещё не знал всех монастырских порядков. И старец, видимо, это понял. Потоптавшись ещё примерно с десяток секунд, он осторожно переступил через порог.

— Молитвами святых отец наших, Господи Иисусе, Сын Божий, помилуй нас, — перекрестился он на висевший в углу кельи Образ, после чего, повернувшись ко мне, представился: — Отец Амвросий, библиотекарь.

Положив на стол принесённую им с собой книгу, он пододвинул к себе стул, после чего уселся рядом со мной.

— Те, кто несчастен в жизни мирской, часто обретают счастье именно в святой обители! — нравоучительно произнёс он. — И отрешение от мирских забот для них есть отрешение от никчемной и опустошающей душу жизни.

Далее отец Амвросий разъяснил мне, что если я настроен посвятить остаток своей жизни служению Богу, то я должен для этого делать следующее:

— быть православным христианином;

- проникаться душою в богослужения и любить их;
- совершать утреннее и вечернее молитвенное правило (то бишь, молиться по утрам и вечерам);
- соблюдать духовный и телесный пост;
- чтить православные праздники;
- читать духовную литературу, повествующую о монашеской жизни и об истории монашества.

С этими словами он пододвинул ко мне принесённую им с собой книгу.

— Почитай, сын мой, для обретения душевного спокойствия и для осознания своего пути к Богу.

Это была старая потрепанная книга, на обложке которой значилось: «Житие Святых».

— Монашество есть удел сильных духом и телом, — взяв меня за руку, принялся читать проповедь библиотекарь. — Жизнь монаха не есть пренебрежение окружающим миром. Жизнь монаха есть отречение от плотских удовольствий, от грешных наслаждений и от всяких, там, пагубных страстей. Монашество — это тесная связь с Господом нашим, с Богом. Это тихая радость от общения с ним. Это восстановление первоначальной чистоты и безгрешности, которыми были наделены в раю Адам и Ева. Монахи, сын мой, это первые спасители нашего грешного мира! — воодушевлённо воскликнул он. — И пока звучит монашеская молитва, — и он, наконец, отпустил мою руку, — существует и весь наш грешный мир!

Отец Амвросий поднялся со стула, снова осенил себя крестным знамением, после чего вышел из кельи с гордо поднятой головой и тихонько притворил за собою дверь.

Глава десятая

Монастырская трапезная мне понравилась. Это был уже второй раз за несколько часов моего пребывания в монастыре, когда действительность превосходила мои ожидания: сначала кельи, а теперь, вот, трапезная. Просторно, уютно, светло. Массивные длинные столы, расположенные буквой «П»: главенствующий — для монастырского начальства, остальные — для прочей братии. Чистые накрахмаленные скатерти, широкие деревянные скамейки, разрисованные библейскими сценами стены.

Глядя на всё это, я почему-то вспомнил царские трапезные палаты из сказочных кинофильмов своего далёкого детства.

Единственное, что мне тогда показалось странным — это трибуна со сделанной в форме золотого орла подставкой для книг, стоявшая по правую сторону от главенствующего стола. К чему она здесь?

Но потом я узнал, что эту «трибуну» именуют амвон, и что с этой «трибуны» дежурный чтец декламирует фрагменты «Жития святых» во время трапезы. Ну, это чтобы монахи вкушали одновременно и физическую, и духовную пищу.

Я подошёл к трапезной без пяти минут два. Оповещением о начале обеда здесь служил издаваемый о железное било ритмичный стук.

К слову, такой же стук о железное било служил и оповещением по утрам о подъёме. Этим занимались дежурные насельники монастыря. В тот день дежурным был отец Феодор.

Постояв немного в сторонке и дождавшись, когда все рассядутся по местам, я примостился на самом краю примыкавшего к правой стене стола.

Я, как и все остальные люди, конечно, посещал детский сад, учился в школе, служил после школы в армии и, разумеется, знал, что такое коллективный обед. Но мне, честно говоря, оказалось в диковинку, что монастырский простой обед будет сопряжён с таким серьёзным, таким торжественным ритуалом.

Обед начинался здесь с краткой молитвы.

«Отче наш, Иже еси на небесах! Да святится имя Твое, да приидет Царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли...».

После молитвы игумен ударял в колокольчик, чтец становился к амвону, все усаживались по местам, и с этого момента начиналась трапеза.

Обед в монастыре был постным. Щи, картошка, салат из квашеной капусты, компот из сухофруктов и хлеб.

Но каким же вкусным был здешний хлеб! В монастыре его выпекали сами. Я даже уже и не помнил, когда я в последний раз вкушал такого вкусного и такого ароматного хлеба.

После второго удара отца Ираклия в колокольчик, чтец завершал своё чтение, спускался с амвона и принимал благословение у настоятеля монастыря.

После третьего удара настоятеля в колокольчик, вкушение пищи сразу же прекращалось. Все как по команде поднимались с мест, и в трапезной звучал нестройный, но дружный хор:

«Благодарим Тя, Христе Боже наш, яко насытил еси нас земных Твоих благ; не лиши нас и Небеснаго Твоего Царствия...».

В тот день, во время молитвы, я вдруг ощутил на себе чьё-то пристальное внимание. В меня, ну, просто впился глазами отец Исаакий. И он как-то странно смотрел на меня.

Поймав на себе мой вопросительный взгляд, он засмутился и опустил глаза. Меня охватило тревожное недоумение. Что бы это могло значить?..

Послеобеденная молитва закончилась. Отец Ираклий стал справа от выхода с приподнятой рукой. Напротив него, по левую сторону, выстроились и склонили свои головы повар, чтец и трапезарий. Этим своим поклоном они как бы просили прощение за возможные прегрешения.

ния в своём служении: повар за то, что, может быть, невкусно приготовил; чтец за то, что, может быть, плохо читал; трапезарий за то, что, может быть, неловко подавал.

Вся монастырская братия стала выходить из трапезной по этому коридору и получать благословение настоятеля монастыря.

Я тоже получил его благословение, вернулся в отведённую мне келью, сразу же переоделся и, умиротворённый сытным обедом, погрузился в сладостный и крепкий сон...

Меня разбудил стук двери и тяжёлые, размеренные шаги. Я повернул голову. Моему взору предстал грузный, неряшливый пожилой бугай с одутловатой физиономией и редкими, давно не чёсанными волосами.

Достаточно было одного взгляда, чтобы определить, что он прибил к монастырю не по наитию своей души, не ради того, чтобы общаться с Богом, а просто потому, что ему некуда было больше идти.

— Витаю (*Приветствую; пер. с укр.*), — усаживаясь на стул, буркнул он.

— Привет, — чуть приподнявшись, отозвался я.

— Ну что ж, давай знайомыться. Богдан. (*Ну что ж, давай знакомиться. Богдан; пер. с укр.*)

— Евгений, — представился я, и мы обменялись лёгким рукопожатием.

— Значит, це тебе вызначили на мисце Яшки? (*Значит, это тебя определили на место Яшки; пер. с укр.*)

— Какого-такого Яшки? — вопросительно свёл брови я.

— Та парубка, який тут жив. Трудняка. Вин втик звидсы вже через тыждень. (*Да пацана, который тут жил. Трудняка. Он сбегал отсюда уже через неделю; пер. с укр.*)

Мой сосед по келье говорил по-украински, но я, для вашего удобства, в дальнейшем буду излагать его фразы по-русски. Мне кажется, вам всё же так будет удобней. Ведь не все из вас знают украинский язык.

— Получается, что меня, — развёл руками я.

Я снова откинулся на подушку и закрыл глаза.

Ну что ж, вот появился ответ на первый из множества крутившихся в моей голове вопросов. Здесь до меня жил не Радик! Здесь до меня обитал некий Яшка!

Богдан, кряхтя, снял ботинки, забросил их в угол, после чего растянулся на своей койке.

— Фу-у-у! — устало выдохнул он.

Некоторое время мы лежали молча. Богдан, наверное, ожидал, что я заговорю с ним первым — логичная реакция ничего не знающего новичка на появление всё знающего старожилы. Но в данном случае эта логика не сработала, и он решил проявить инициативу сам.

— Какими сюда судьбами?

Я немного помолчал, после чего, как бы нехотя, выдал:

— Да так. Жизненные обстоятельства.

Снова возникла пауза.

— Я вижу, ты не охотник до разговоров, — прервал её, наконец, мой сосед.

— А что здесь говорить? — пробурчал я. — Здесь и говорить-то особо нечего.

Ох, сколько же мне стоило тогда усилий, чтобы удержать себя от рвавшихся из меня распросов! Но требовалось соответствовать нужному образу. Я — сама апатия! Я — полностью потерявший жизненный смысл человек!

— Ну, на постриг ты явно не собираешься, — утвердительно проговорил Богдан.

— Там будет видно, — осторожно ответил я.

— Не похоже и на то, что ты после отсидки.

Я подтверждающе помотал головой.

— Тогда, получается, ты из распутья, — уверенно заключил Богдан. — Либо отрешиться от всего земного, либо накинуть петлю себе на шею. И ты, естественно, выбрал первое.

— Да, что-то типа того, — тяжело вздохнул я...

Придя в храм на вечернюю молитву, — она начиналась сразу же после ужина, — я почувствовал себя несколько неуютно. А почувствовал я себя так потому, что на церковных богослужениях мне до этого никогда бывать ещё не приходилось.

Нет, чисто по логике, я, конечно же, понимал, что на богослужении мне нужно будет молиться. Но молиться — оно ведь тоже нужно умеючи. А вот как это делать правильно — вот этого я как раз таки тогда и не знал!

— Не волнуйся, — сказал мне уловивший мою неуверенность отец Гавриил. — Просто делай всё то, что делают остальные. Когда все крестятся — крестись, когда все кланяются — кланяйся. Но самое главное, думай только о Боге! Если ты будешь думать о Боге, то душевное равновесие ты обретёшь гораздо скорей!

Я делал всё точно так, как он мне велел — стал позади всех и в нужные моменты кланялся и крестился. Но вот думать только о Боге у меня, ну, совершенно не получалось. Я думал только о Радике. А о Боге мне не думалось даже и в том числе.

Во время этого богослужения случилось одно происшествие, которое просто не могло не обратить на себя внимания.

В разгар молебного песнопения, когда вся братия смиренно складывала руки и блаженно закатывала глаза, отец Митрофаний вдруг свалился на пол и, точно подкошенный, стал извиваться в судорожных конвульсиях.

Но меня больше всего поразило не это. Меня больше всего поразило то, что на отца Митрофания в тот момент даже никто и не посмотрел.

Единственным, кто отреагировал на его падение, был стоявший рядом с ним отец Феодор. Он поднял своего друга с пола и, точно маленького ребёнка, вынес его на руках из храма.

Всё это равнодушие мне объяснил в тот же вечер Богдан.

— Так наш Митрошка же эпилептик, — сообщил мне он, когда я высказался ему об этом случае. — Такие приступы с ним происходят довольно часто, и к этим приступам здесь все давным-давно уже привыкли...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.